

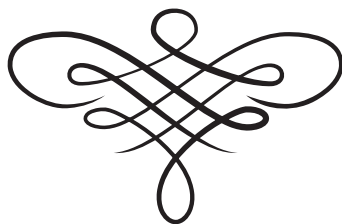

Часть IV

КОРА АНТАРОВА

ДВЕ ЖИЗНИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А72

Антарова, Конкордия Евгеньевна.

А72 Две жизни. Часть I / Антарова К. Е. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 416 с. — (Мастера мысли).
ISBN 978-5-17-166786-3

Книга «Две жизни» — мистический роман, который популярен у людей, интересующихся идеями Теософии и Учением Живой Этики. Этот текст был написан известной оперной певицей, ученицей К. С. Станиславского, солисткой Большого театра Конкордией Евгеньевной Антаровой (1886—1959). Как вспоминала сама Кора Антарова, книга писалась под диктовку во время Второй мировой войны и являлась знанием, переданным через общение с действительным Автором посредством яснослышания — способом, которым записали свои книги Живой Этики Е. И. Рерих и Н. К. Рерих, «Тайную доктрину» Е. П. Блаватская.

В четвертой, последней части произведения перед нами открываются миры Тайных Братств, где герои приобщаются к сокровенным знаниям, доступным лишь избранным. И теперь их главная задача — принести эти знания людям, направив их на путь самосовершенствования.

**УДК 821.161.1-312.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-17-166786-3

© Антарова К. Е., текст
© Издательство АСТ, оформление

Предисловие психолога к четвертой части романа К. Е. Антаровой «Две жизни»

Перед вами не просто четвертая часть романа «Две жизни». Перед вами — итог большого внутреннего пути человека. Если первые части романа словно осторожно приоткрывали дверь в мир духовного поиска, то четвертая книга ведет читателя значительно глубже — туда, где человеку уже невозможно жить по-старому, невозможно прятаться за привычные роли, страхи, оправдания, внутренние защиты и иллюзии собственной отделенности от мира. *Этот том — о зрелости души.* О том моменте, когда человек начинает понимать: *духовность — это не уход от жизни*, не бегство в красивые идеи, не попытка стать «выше» других, не стремление казаться особенным, избранным или просветленным. Напротив, это способность оставаться среди людей, в обычной повседневности, среди боли, тревоги, усталости, конфликтов, разочарований и несовершенства мира, но при этом не терять в себе свет. Именно на этот главный вопрос отвечает четвертая часть романа: *«Как, оставаясь жить среди людей, сохранить в себе божественную искру? Как не ожесточиться? Как не потерять способность любить? Как не раствориться в страхе, суете, обидах и бесконечной борьбе за выживание?»*

Для меня, как для психолога, это один из самых глубоких смыслов всей книги. Потому что *современный человек живет в постоянном внутреннем расщеплении.* Снаружи — обязанности, работа, дети, отношения, тревожный поток новостей, страх нестабильности, необходимость все контролировать и справляться. А внутри — огромное желание найти опору, смысл, покой и ощущение собственной живой души.

Многие люди сегодня внешне успешны, но внутренне глубоко несчастны. Они привыкли все выдерживать, быть сильными, удобными, функциональными, но при этом все чаще теряют ощущение живой жизни. Роман Конкордии Антаровой говорит об этом удивительно точно. Он словно напоминает: *настоящее развитие человека начинается не тогда, когда он «уходит от мира», а тогда, когда учится быть человеком среди людей.*

Не случайно в четвертой части герои проходят через испытания страхом, одиночеством, предательством, внутренней слабостью и сомнениями. Их путь через пустыню становится не просто приключением, а символом внутреннего преодоления каждого человека. *Пустыня в романе — это состояние души, в котором исчезают привычные опоры.* И разве современный человек не сталкивается с этим постоянно? Разводы, потери, кризисы, предательства, выгорание, ощущение бессмысленности жизни, потеря себя, страх будущего, ощущение внутренней

пустоты даже среди внешнего благополучия. Именно в такие периоды человек начинает встречаться с самим собой по-настоящему. Не случайно в романе звучат слова:

**«Боящийся смерти носит ее в себе
и не может быть свободным в своих действиях ни на минуту».**

Эта фраза намного глубже, чем кажется на первый взгляд. Страх смерти сегодня проявляется не только как страх физического конца. Очень часто люди боятся самой жизни: боятся перемен, боятся быть отвергнутыми, боятся потерять контроль, боятся остаться без любви, без денег, без статуса, без привычной идентичности, и тогда человек перестает жить свободно.

Как психолог, я вижу это постоянно. *Многие люди годами живут не своей жизнью только потому, что слишком сильно боятся потерять то, к чему привыкли.* Они выбирают не любовь, а безопасность; не развитие, а знакомую боль; не свободу, а контроль; не живое чувство, а эмоциональную броню. Но любая попытка спрятаться от жизни постепенно делает человека внутренне мертвым.

И роман «Две жизни» очень мягко, но честно показывает: *пока человеком управляет страх, он не свободен.*

Еще одна важнейшая мысль четвертой части — *ответственность за свои мысли, слова и действия.* Сегодня людям очень хочется найти виноватых: родителей, партнеров, обстоятельства, государство, тяжелое детство, предательство, кризисы, травмы, — но Антарова вновь и вновь возвращает читателя к одной глубокой мысли:

«Всё — в себе».

Для современной психологии это тоже фундаментальная идея зрелости личности. Да, человек не отвечает за все, что с ним произошло, но *он отвечает за то, что делает со своей жизнью дальше*, за то, продолжает ли он разрушать себя, продолжает ли жить в обиде, предавать собственную душу ради чужих ожиданий. Это очень непростая мысль. Потому что *гораздо легче считать себя жертвой обстоятельств, чем признать собственную внутреннюю силу и ответственность за свою жизнь.* Но именно с этого и начинается взросление души. Именно поэтому в книге так много говорится о внутреннем внимании.

**«Первое, о чем помните больше всего:
внимание к каждому человеку, с которым говорите, к каждому делу,
которое делаете. Вся жизнь человека — только внимание».**

Это поразительно точное наблюдение. Потому что качество жизни человека напрямую зависит от того, куда направлено его внимание каждый день: на обиды, тревогу, сравнение себя с другими, постоянное

ожидание катастрофы или на любовь, благодарность, внутренний рост, способность видеть человека рядом, красоту жизни, смысл происходящего.

Современный человек живет в эпоху тотального рассеивания внимания. Мы постоянно перегружены информацией, мыслями, тревогами, скоростью и бесконечным шумом. *Люди перестают слышать себя, перестают замечать жизнь, чувствовать другого человека.* И именно поэтому книга Антаровой сегодня звучит так современно. *Она возвращает человека к внутренней собранности, к способности быть здесь и сейчас.*

«Жизнь — это “сейчас”. Это не “завтра” и не “вчера”.

Одно неизвестно, другого не существует.

**Старайтесь научиться жить летящим “сейчас”,
а не мечтой о завтра».**

Для меня это не просто красивая цитата. Это практика, которая действительно меняет жизнь. Я замечала и в собственной жизни, и в работе с людьми: *чем больше человек живет прошлым или тревогой о будущем — тем меньше он чувствует саму жизнь.* Он перестает замечать утро, разговоры, любимых людей, собственные чувства, простые моменты счастья.

Настоящая жизнь всегда происходит только в текущем моменте, и именно этому учат Великие Учителя романа. Очень важно, что Антарова показывает Учителей не как оторванных от мира мистиков, а как людей огромного труда и ответственности. Они не бегут от человечества — они служат ему. Это одна из самых сильных сторон книги. *Великие Учителя здесь — это символ внутренней зрелости человека, который перестает жить только ради себя.*

Сегодня многие ищут духовность как способ уйти от боли реальности. Но роман показывает совершенно иной путь: *истинное развитие делает человека не слабее, а сильнее; не холоднее, а добрее; не оторваннее от людей, а внимательнее к ним.*

Именно поэтому в книге так много говорится о доброте, самообладании, внутренней дисциплине и способности сохранять достоинство даже в тяжелые моменты.

**«Никогда не произносите ни слова,
пока полное самообладание не приведет вас к мысли...»**

В этих строках скрыта огромная психологическая мудрость, потому что *большинство разрушений в отношениях происходит не из-за «плохих людей», а из-за отсутствия внутреннего самообладания.* Люди ранят друг друга словами, сказанными в боли, страхе, раздражении, бессилии. Антарова учит совершенно другому уровню внутренней зрелости: *сначала осознай себя, почувствуй себя, остановись, а потом говори.* Особое внимание в романе стоит обратить на главных

героев — Левушку, Учителей, спутников пути. Каждый персонаж здесь — не просто человек, а отражение определенного этапа внутреннего взросления души.

Левушка особенно важен для читателя. Через него мы видим путь человека, приводящий от наивности и эмоциональной незрелости к внутреннему пробуждению. Он ошибается, страдает, сомневается, ищет ответы, сталкивается со своими слабостями и иллюзиями. И именно поэтому становится живым и близким.

Читатель неизбежно начинает узнавать в героях себя: свои страхи, свою гордыню, усталость, желание любви, свое одиночество, стремление быть понятым и свою надежду. В этом — огромная сила книги.

«Две жизни» прославились именно потому, что это не просто мистический роман. *Это книга внутреннего переживания.* Книга, которая становится для многих не развлечением, а личным опытом. Люди возвращаются к ней спустя годы и каждый раз находят новые смыслы, потому что меняются сами.

Для меня эта книга тоже стала не просто произведением. Она стала напоминанием о важнейших вещах: о внимании к людям, внутренней дисциплине, о том, что доброта — не слабость, духовность невозможна без честности перед собой, и том, что человек растет не через избегание трудностей, а через способность проходить их с открытым сердцем.

Особенно глубоко меня когда-то затронули слова:

**«Перестаньте видеть добродетель в оплакивании неудач
личной жизни... Отрите глаза, откройте уши —
и вы сможете услышать тихий голос Радости...»**

В психологической практике я очень часто вижу, как люди бессознательно начинают строить свою идентичность вокруг боли. Они настолько привыкают страдать, что перестают замечать саму жизнь. Но роман Антаровой говорит: *страдание не делает человека духовным автоматически.* Человека меняет осознанность, любовь, труд души, внимание к себе и другим, способность сохранять свет даже тогда, когда вокруг темно. Наверное, именно поэтому эта книга остается такой живой спустя десятилетия. Она не дает готовых ответов, не поучает, не давит. *Она словно берет человека за руку и очень спокойно говорит: «Посмотри глубже, посмотри честнее, посмотри в себя».* Возможно, именно в этом сегодня нуждаются многие люди больше всего.

Татьяна Попова
психолог, гипнотерапевт, коуч

ГЛАВА I

Наш отъезд из оазиса. Второй день путешествия по пустыне. Зловещая встреча в ней

Мы стояли, смотря вслед умчавшимся всадникам. Думаю, не ошибусь, если скажу, что мысли и чувства всех провожавших были одинаковы. Каждый из нас — как мог и умел — посылал свои благословения уезжавшему профессору и его новой жизни. В который раз я присутствовал при начале новой жизни человека, в которую его провожали И. и Франциск. И каким диссонансом звучало для меня то, что каждый раз — был ли то убогий карлик, был ли то одаренный или даже гениальный человек — все начинали эту новую жизнь с печали, слез и тоски. И я еще ни разу не видел той духовной мощи человека, когда бы он шел в свою новую жизнь, радуясь и торжествуя, что пришел его момент внести свою часть труда в широкий мир.

Я подумал о брате Николае, вспомнил его записи в книжке, вспомнил пир у Али, Наль, Али-молодого и его страдания, и впервые закралось в мою душу сомнение, умел ли брат Николай начать свою новую жизнь с Радости.

— Не пытайся решить уравнение со столькими неизвестными, мой дорогой следопыт, — весело сказал мне И., возвращая меня к месту и времени. Тебе надо искать не ответы, как идут жизни со столькими неизвестными для тебя величинами. Тебе надо растить в своем движении, в своих перемежающихся «сейчас» Любовь-Энергию в геометрической, а не в арифметической прогрессии.

И первое, что ты для этой цели сделай, помоги Игорю собрать все вещи Натальи Владимировны. Когда мы будем уезжать, усади ее с Зейхедом на мехари и оставайся вместе с Игорем в роли рыцаря-охранника во все время путешествия при нашей «молниеносной» даме. Станислав и мистер Ольденкотт поедут рядом со мною, а вы сзади нас. Если я доверяю твоему вниманию охрану этой женщины, это значит, что ты так же должен забыть о себе и думать только о ней, как ты делал это в те часы, когда помогал ей читать книгу в комнате Али. Обязанность, возлагаемая мною на тебя в это мгновение, так же священна, как и та. Забудь же о себе, думай о ней и не забывай слов Франциска о бездне человеческого горя, — прибавил И., ласково похлопав меня по плечу.

Я был несколько пристыжен и в то же время умилен деликатностью и любовью И., умевшего всегда и все понять и сделать легкой

и священной всякую задачу, которую он давал и которая казалась трудной. Когда он приказал мне собрать вещи Андреевой, стать ей рыцарем в пути, нечто вроде протеста и даже возмущения, нечто вроде горечи от расставания с И., точно я был недоволен, что кто-то другой займет в пути мое место рядом с моим дорогим Наставником, вихрем пронеслось во мне. И все это сразу же схлынуло, стоило ему вызвать в моей памяти ту Наталью Владимировну, которую я вводил в божественную комнату Али.

Я поклонился низко-низко моему чудесному воспитателю, понял по его ответному поклону и взгляду, что я не только прочтен до дна, но и прощен до конца, и радостно бросился к Игорю звать его к новому делу. И тут же поймал себя: ведь и мне сейчас указали нечто новое, и я это новое начал с печали.

«Неужто же это закон для всех?» — думал я, собирая в плетеную корзинку вещи Натальи Владимировны и поражаясь тому, какое их количество она набрала с собой. И чего-чего тут только не было! И кружевные косынки, какие она обычно носила на своих непокорных волосах; и детские игрушки, и бусы, и зеркала, маленькие и побольше, точно она собиралась дарить их каким-нибудь заброшенным жителям пустыни; и книги, пряники, и финики. Дойдя до этих последних, я уже готов был прийти в отчаяние, как ко мне подошли мои вчерашние собеседницы за ужином.

— Ну, это вы делаете совсем не так, — сказала мне старшая, выбрасывая на высокий каменный стол из корзинки все, что я с таким трудом туда запихал и что было похоже на багаж корабейника. — Сейчас мы разложим вам все по сортам и уложим в пальмовые корзиночки. А финики и пряники положим в специально для этой цели сплетенные мешочки, которые вы привяжете сбоку корзинки. Тогда можно будет их доставать, не делая беспорядка в большой корзине.

Не успел я оглянуться, как вся работа была закончена. Я представил моим дамам Игоря, которого они очень сердечно приветствовали.

— Теперь пойдемте, вас ждет у нас завтрак, — сказала старшая.

— Не сомневайтесь, — прибавила младшая, заметив мое колебание, — доктор И. и дедушка уже у нас. Вас вместе с вашим приятелем приглашает дедушка. Он желает угостить вас нашим обычным завтраком, чтобы ваше представление о нашей жизни в пустыне было полнее. Кроме того, у него, кажется, есть надежда упросить вашего великого друга-артиста показать нам всем, как надо читать великих поэтов.

— Тебе не поручали, дорогая, ничего передавать, — перебила ее старшая. — Дедушка очень просит вас обоих сейчас к нам. Пойдемте же, а то кофе остынет, — улынулась она нам.

Мы с Игорем посмотрели на свои запыленные руки и одежды, наши дамы мгновенно подметили наш взгляд, без слов нас поняли и отвели к тому домику-ванне, где нас приводил в себя Ясса. Мы и сейчас нашли его там. Наши спутницы прошли в сад, взяв с собой Эту. Через несколько минут мы к ним присоединились, соперничая с ними в белизне их туалетов.

Я был рад, что обе дамы щебетали с Игором с особенным интересом, узнав, что он тоже артист и нередко выступал вместе с Бронским в его спектаклях. Я несся мыслями за профессором. Как разны были мои чувства сейчас, когда я мысленно летел по пустыне за Зальцманом, и тогда, когда мчался за Беатой. Тогда я не сознавал ни себя, ни ее отделенными от всей жизни, я составлял одно целое с нею, с пустыней, со всей Вселенной, с Богом; там я пел со всем окружающим песнь торжествующей Любви. Здесь я видел отделенное бедное сердце, не имевшее еще сил осознать себя единицей всего мира. Я понимал, что профессор не видел еще в человеке частицы Единого, но читал только его внешнюю форму и по ней судил о ближнем. Давно ли и я думал так же?

Не знаю, долго ли мы шли, но когда неожиданно передо мной выросла громаднейшая фигура «дедушки», я точно с неба свалился, не сразу сообразив, где я, чем насмешил всех, а особенно Андрееву, которая, не удерживая веселого смеха, сказала мне:

— Ну и пожалела бы я тех, кому бы вам поручили в пустыне, Левушка. Вы, наверное, забыли бы, что в пустыне бывают внезапные бури, очень опасные, и, унесясь в ваших мечтаниях, вы предоставили бы силе стихий всех ваших подопечных.

— Это очень грустно, дорогая Наталья Владимировна, что именно вам дал И. такого немудрящего рыцаря, как я, в охранники по пустыне. Вся моя надежда на то, что Его же высокая любовь не позволит мне на этот раз выбиться из глубокого благоговения и сосредоточенности, в которых я служил вам в комнате Али. В данном же мне сейчас поручении, узнав о вашем недоверии к моим силам, я постараюсь удвоить свое усердие, — ответил я, впервые ничуть не смущаясь сарказма ее глаз — электрических колес, которыми она меня пронзала, — и едкостью тона, хотя она и прикрывала его добродушием.

Ко мне подошла леди Бердран и, радостно пожав мне руку, сказала:

— Я так счастлива, Левушка, И. сказал мне, что я поеду в одном ряду с вами.

Когда я подошел к «дедушке», он положил мне на плечи свои могучие руки, и я мгновенно убедился, что Голиаф подвергся превращению в Давида, ибо я был ему ниже плеча и мог на него смотреть, только подняв голову вверх.

— Мой милый гость, я не так давно получил книги от моего друга, сэра Уоми, и прочел ваш рассказ. Я едва поверил, когда И. сказал мне, что автор — юноша, почти мальчик. Если бы вы много раз в жизни были рассеянны в отношении к внешним вещам, то та глубина, куда вы проникли в вашей книге уже сейчас, несмотря на ваш возраст, говорит одно: вы идете вожаком, и для вас нет мерил обыденности. Примите мою благодарность. Если бы я мог выпустить во Вселенную такую цельность устремления, какую обладаете вы, я был бы счастлив.

Великан усадил меня — теперь совершенно сконфуженного — рядом с собой перед дымящейся чашкой кофе.

— Не смущайтесь, мой дорогой. Здесь, в пустыне, мы привыкли свободно оценивать таланты друг друга. У нас нет предрассудка зависти, как нам не свойственна и ревность. Мы нередко соревнуемся друг с другом и всегда честно и просто признаем себя побежденными, если противник побил нас талантом. И вы не смущайтесь моим восхищением. Я просто счастлив приветствовать в вас ту силу одаренности, которая поможет многим и многим выйти из кольца их предрассудков и понять, что значит иметь глаза и уши открытыми.

Он придвинул ко мне несколько маленьких корзиночек, очень изящно сплетенных из пальмовых волокон и наполненных хлебцами, коврижками и печеньем. Я понимал, что все это хлебные продукты оазиса, разнообразно сделанные из муки, но форма хлебцев то напоминала картошку, а цвет вызывал представление о сахаре, то походила на морковь. Я не знал, что к чему подано, и смотрел на все корзиночки сразу, и не мог решить, с чего мне начать. Хозяин пришел мне на помощь, говоря:

— Нам приходится приспосабливаться к ежедневной потребности, живя в пустыне. Мы не можем рассчитывать, что идущие к нам и от нас караваны всегда будут в срок возвращаться и снабжать нас мукой из пшеницы, которая, как и рожь, у нас не родится. Наши хлебцы всегда с подмесом муки из плодов хорошо рождающихся у нас манговых и мучнистых деревьев. Поэтому внешний вид наших хлебцев неказистый и слишком бел для глаз европейцев. Не было еще ни одного человека, впервые видевшего наш хлеб, который не задумывался бы над ним, как это сделали сейчас вы. Но точно так же не было ни одного европейца, который, попробовав, не одобрил бы нашего хлеба.

Рассул был ласков, в его глазах не было ни искорки юмора, он смотрел на меня с отеческой нежностью. Великан сам положил мне на тарелочку из пальмового дерева несколько хлебцев, придвинув красивую небольшую масленку из слоновой кости, полную свежего масла, и поддал широкий и короткий нож, также из слоновой кости.

Я обратил внимание не только на красоту вещей, на белоснежность скатерти, но и на руку самого великана. Это была огромная, темная, но красивая и необычайно пропорциональная рука. На среднем пальце ее сверкал древний перстень, изображавший голову сфинкса, в которой сиял желтый бриллиант. Я подумал, что клафт на голове самого хозяина был бы в полной гармонии со всей его фигурой, и в нем Рассул был бы похож на египетского жреца. Я не успел додумать своей мысли. Рассул снова посмотрел на меня, и на этот раз в его взгляде было то же озорное, подшучивающее выражение, с каким он глядел на меня за ужином, когда я рисовал себе его мчащимся на мехары.

— Нет, — сказал он мне, улыбаясь. — Знатные египтяне не ездили на верблюдах. Они любили лошадей и слонов. Если уж, по-вашему, я не умещусь на коне, надо меня посадить на слона. На белом я, темный, был бы особенно эффектен.

Рассул весело рассмеялся, я же, заметив улыбку И. и его ласковый мне взгляд, вспомнил, что мусором мыслей засорил текущую минуту, вздохнул и сказал Дартану:

— Опять проштрафился.

— Нисколько, — ответил мне он. — Но надо усерднее кушать, так как время не ждет, скоро ваш караван двинется.

Он поручил меня одной из своих внучек, приказав накормить досыта. Но, зная наставление И. перед отправлением в путешествие много не есть, я не выполнил желания моей милой дамы и не съел половины того, чем она меня потчевала.

Первым из-за стола поднялся хозяин, за ним встал И. и все остальные. Когда мы вышли к концу аллеи усаживаться на мехари, то оказалось, что оставалась в оазисе только часть нашего отряда. Весь караван, шедший вчера сзади нас, уже давно ушел вперед, руководимый Никито. Я был очень удивлен и подумал, как совершает это трудное путешествие сестра Карлотта, которая и в Общине большую часть дня все лежала в постели.

— Не беспокойся о тех, кого я тебе не поручал, но будь собран и до конца бдителен с теми, кого я тебе поручил и от обязательной заботы о ком еще тебя не освободил, Левушка, — сказал мне И. — Старушка преблагополучно спит и не испытывает никаких тягот пути. Смотри, — и он указал мне на Андрееву, нетерпеливо топтавшуюся у своего мехари, которого держал Зейхед.

Я быстро подошел к ней, подозвав Игоро, и мы вдвоем с большим трудом усадили ее в маленькое седло так, чтобы ей было удобно и чтобы с нее ничего не спало. Пот катился градом со всех нас, и все же, если бы милосердный и ловкий Ясса не вмешался в наше дело, мы не смогли бы покрыть ее плащом и зашнуровать как следует, так как она спорила и сбрасывала с себя все, разрушая нашу работу. Мне помогло сохранить полное спокойствие мое воспоминание о белой комнате Али. Но оно помогло мне, а не делу. Ясса же, точно укротитель непокорной львицы, что-то бормоча на непонятном мне диалекте, который, казалось, понимала Андреева, ласково-ласково, как заботливая нянька, укутывал грузную женщину, и она подчинялась, даже не думая протестовать.

Еще и еще раз я понял, до чего многому должен еще учиться. Я ясно понял, что и самообладание может быть бессмысленно, если оно актино личное, а не действительная сила. Та сила, что вбирает в себя эмоции раздражения встречного и тушит их, как глухая крышка, плотно покрывающая горшок с красными углями и сдерживающая их огонь. Я понял сейчас, почему влияние И. и других моих высоких друзей так освобождает людей и дает им блаженное чувство облегчения. Их мудрое самообладание, лишенное всякой памяти о себе — этой назойливой требовательности собственного «Я», — льет энергию своей любви во все дела человека, с которым они общаются. Я понял, что виновен в том, как прошла встреча с человеком, какие чувства в нем пробуждались при встрече со мною. В эту минуту, как никогда, мне была ясна

пропасть между той ступенью, где жил я, и между величием Света, где жил И. Я снова вздохнул и услышал нежный голос И.:

— Мой мальчик, привыкни делать каждое текущее дело как самое важное. Привыкни не пересыпать перцем своих благих мыслей действия своего дня. Этим ты затрудняешь не только одного себя, но и всех тех, кто живет вокруг тебя. Иди простись с хозяином. Я займу твое место рыцаря на это время подле Натальи Владимировны.

И. подошел совсем близко к Андреевой и что-то стал говорить ей, но так тихо, что никто разобрать его слов не мог. Мы с Игорю пошли прощаться с Рассулом. Я везде искал глазами Бронского, недоумевая, где бы он мог быть, так как он раньше всех вышел из-за стола и в сопровождении двух мужчин, жителей оазиса, куда-то ушел. Я нигде не видел артиста, стал было уже беспокоиться о нем, но вовремя вспомнил о «перце» своих мыслей.

Когда я подошел к Рассулу и, кланяясь, благодарил его за гостеприимство, он взял обе мои руки и, глядя сверху вниз мне в глаза, сказал:

— Радостно мне сегодня. Радостно на много дней вперед, что встреча с вами дает мне возможность вернуть вам мой старый долг. Когда-то ваша белая птица была вашим врагом, — показал он на Эту, прижавшегося к моей ноге. — В одно из воплощений этот враг убил вас. Но, умирая, вы защитили меня от него. Я остался жив, помнил о вашей защите, помнил о своем долге вам, но в течение многих веков не имел возможности возратить вам хотя бы свою благодарность. Примите от меня эту вещь. Это очень древняя вещь. Она принадлежала одному египтянину и напоминала ему о неизбежной ступени в пути совершенствования каждого человека: о гармонии. Возьмите ее от меня. Редко бывают в жизни вещи, не оплаканные слезами, не напитанные вибрациями скорби и стонов. Если иногда людям и попадают в дар вещи великих, имевших души чистые и свободные, они делают себе из них талисманы, прибегают к их помощи в своих мольбах и передают им невидимые токи своих страданий. Эта вещь чиста. Она принадлежала существу такого высокого духа, радость которого не омрачалась ни на единый миг за всю жизнь, хотя видимых причин для этого было немало. Все, чего я хотел бы пожелать вам из глубин моей благодарной памяти, — сохраните ту цельность верности до конца, в какой сейчас живете. И великая Жизнь поддержит вас — вожака человечества — в том месте, к которому она теперь подвела вас. Никто не может выполнить величайшей задачи, которую на него возлагает великая Жизнь, в одно воплощение. Целый ряд их, следующих друг за другом, поднимает в человеке на высоту совершенства таящиеся в нем силы, вначале как качества, потом как аспекты Единого, постепенно создавая из человека-формы человека-огонь. Огонь ваш, горящий уже теперь костром, должен принять форму шара, чтобы стать гармоничным путем для Истины. Пусть же эта вещь высокого радостного духа поможет вам в этой великой и трудной работе.

И он подал мне небольшую пластинку на золотой цепочке из звеньев в виде головок сфинкса, на которой было изображено солнце и его

лучи, причем само солнце представлял большой желтый алмаз и такие же камушки сверкали в глазах сфинксов.

Я был так потрясен его словами, восхищен подарком и в то же время огорчен: опять у меня ничего не было, что бы я мог дать любезному хозяину взамен его дара. Он прочел мою мысль и сказал:

— Жизнь, которую вы когда-то подарили мне, — ваш вековой подарок. А теплота сердца, которой вы обласкали меня сейчас, ценнее всех даров, которые вы могли бы мне дать. Но, если бы вы желали, если бы у вас было радостное желание оказать мне услугу, я обратился бы к вам с одной просьбой.

В ответ на мой восторг быть ему полезным он продолжал:

— В дальней Общине, куда вы теперь едете, есть несколько домов, где живут люди нашего оазиса. Несчастных, которые нигде не могут достичь мира в сердце, везде много. Им кажется, что не их собственная строптивость гонит их от людей, заставляя их самих отъединяться от своих ближних, но что окружение не дает им возможности развиваться в том духовном богатстве, которое они в себе носят. Такие и наши строптивцы, объехавшие чуть ли не весь мир и не нашедшие себе нигде покоя, живут в дальней Общине. Время от времени мы посылаем им вести и посылки с родины. Но чтобы можно было послать им весть, надо, чтобы вестник был верен до конца, целен до конца и добр до конца. Только через такого вестника поданная весть не причинит нового бунта и нового пароксизма отрицания этим несчастным. В вашем лице мы могли бы иметь такого гонца. Согласны ли вы им быть?

— Вы слишком хорошо читаете в моем сердце, чтобы задавать мне этот вопрос, — ответил я. — Если считаете меня гонцом достойным, я готов.

Рассул вынул из кармана своего плаща объемистую пачку писем, перевязанную тонкой лентой из пальмовых волокон, вложил ее в красивый мешочек, сплетенный, как циновка, и подал мне, говоря:

— Все эти письма я прошу вас передать лично людям, которым они адресованы. Но не сразу передавайте их. Сначала вам надо познакомиться с каждым из тех лиц, кому я прошу вас отдать письмо. Важно в этом случае общение со строптивцами, чтобы гонец знал и помнил не только о любви и заботах тех, милосердие и дары которых он вообще несет в серые дни жизни Земли. Но важно, чтобы его собственная активная сила доброты жила и, действуя в гармонии с их любовью, сумела внести мир в сердце строптивца, хотя бы на тот краткий миг, пока совершалась передача вести. Гонец должен найти в себе то истинное самообладание, от которого затухает раздражение во встречном. Вы сами прошли мучительный путь постоянного раздражения, и ваша верность помогла вам выйти в ступень цельной доброты. Ваш новый путь бдительного внимания к каждой встрече дает вам возможность подниматься выше к ступени гармонии Учителя. Не каждый ученик может продвигаться в высоту тех путей, где действует Учитель. Туда проходит только тот, кто сумел дойти до самообладания как действенной силы, помогающей освободиться встречному от его давящих страстей. По внешности, по суду